

Конструктивное взаимодействие как генеративный принцип: симбиотический закон эволюции в онтологической перспективе Общей теории живого слова

Constructive interaction as a generative principle: the symbiotic law of evolution in the ontological perspective of the General Theory of the Living Word

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье различаются генеративные и селективные процессы развития. Теории развития значительно подробнее описывают отбор, конкуренцию и устранение уже возникших форм, чем появление качественно новых целостностей. Селекция не создает материал, который отбирает: она закрепляет одни варианты и ограничивает другие. Генеративная функция отвечает на вопрос, как возникает то, чего прежде не существовало как системного качества. Её условием признается конструктивное взаимодействие различающихся и относительно самостоятельных элементов, образующих целое с новыми свойствами. Симбиотический закон эволюции рассматривается как биологическая конкретизация данного принципа, а не как прямое основание социальных или педагогических норм. Концепция предлагается как философская реконструкция и исследовательская программа. Симбиотический закон рассматривается также как средство генеративной критики и терапевтической реконструкции конфликтной и манипулятивной концептуализации противоречия, а метаязык ОТЖС – как инструмент экспликации генеративного замысла, формирования консентного типа сознания у человека и консентного типа концептирования у ИИ.

Ключевые слова: генеративность, селективность, генеративная критика, симбиогенез, принцип конструктивного взаимодействия, симбиотический закон эволюции, онтологический потенциал, возникновение нового, Общая теория живого слова, консентный тип сознания, консентное концептирование, метаязык ОТЖС, конфликтная концептуализация, метафора борьбы.

Abstract

The article distinguishes between generative and selective processes of development. Theories of development describe selection, competition, and elimination of existing forms in greater detail than the emergence of qualitatively new wholes. Selection does not create the material upon which it operates; it stabilises some variants and constrains others. The generative function asks how a systemic quality arises that did not previously exist. Constructive interaction between distinct and relatively autonomous elements is interpreted as its structural condition. The symbiotic law of evolution is treated as a biological concretisation of this principle rather than a direct foundation for social or educational norms. The concept is presented as a philosophical reconstruction and

a research programme. The symbiotic law is also interpreted as a means of generative critique and therapeutic reconstruction of conflictual and manipulative conceptualisations of contradiction, while the metalanguage of the General Theory of the Living Word is treated as a means of explicating the generative intention, forming a consent-oriented type of consciousness in humans and a consent-oriented type of conceptualisation in AI.

Keywords: generativity, selectivity, constructive interaction, generative critique, symbiogenesis, symbiotic law of evolution, ontological potential, emergence of novelty, General Theory of the Living Word, consent-oriented consciousness, consent-oriented conceptualisation, metalanguage of the General Theory of the Living Word, conflictual conceptualisation, metaphor of struggle.

Введение

Одним из фундаментальных вопросов философии развития остается вопрос о происхождении нового. На протяжении истории философии и науки развитие описывалось посредством категорий и понятий изменения, причинности, противоречия, становления, отбора, адаптации и сохранения. Особое положение в ряде понятий заняла метафора «борьба», которая была терминологизирована и наделена квазикатегориальным статусом. В отличие от противоречия, обозначающего структуру несовпадения, *борьба* представляет образно-сценарную модель, предполагающую противостоящие стороны, их взаимное противодействие, победу и поражение. Поэтому её включение в категориальный ряд не было семантически нейтральным: оно способствовало переносу эристической структуры состязания на понимание взаимодействия и развития. Многозначность метафоры позволяла истолковывать её то как нейтральное напряжение или взаимное воздействие, то как буквальный конфликт и устранение противника, не обозначая момента смены значения.

Софистичность данной операции определяется её структурой: квазикатегориализация многозначной метафоры воспроизводит *абстрактное ядро софистики*, тогда как концептуализация отношения через противоборство – *абстрактное ядро эристики*. Сохраняя метафорическую многозначность, «борьба» позволяет нефиксировано переходить от относительно нейтральных значений различия, напряжения и взаимодействия к эристическим значениям противоборства, победы, подавления и устранения. Такой переход создает эквивокацию и способствует переносу эристической структуры состязания на понимание противоречия, взаимодействия и развития. Категории и понятия изменения, причинности, противоречия, отбора, адаптации и сохранения позволяют объяснить, каким образом уже существующие формы преобразуются, закрепляются или исчезают, однако значительно реже предметом специального анализа становились процессы, благодаря которым возникают качественно новые целостности, не сводимые ни к свойствам составляющих их элементов, ни к простой модификации предшествующих форм.

Естественный отбор представляет наиболее очевидный пример *селективного механизма*. Он объясняет дифференциальное сохранение уже представленных форм, но предполагает наличие того, что может быть отобрано. *Селекция* не создает системного качества, которое затем получает преимущество. Это не умаляет значения отбора и конкуренции: они определяют границы устойчивости и участвуют в судьбе новообразований. Однако устранение препятствия может освободить уже существующую способность, но само по себе ещё не порождает новой целостности.

Различие между *изменением существующего* и *возникновением нового* имеет принципиальное значение. Не всякое изменение является генеративным: система может варьировать свои состояния, перераспределять функции, приспосабливаться к среде или утрачивать отдельные свойства, не образуя при этом нового уровня организации. *Генеративным* следует считать такой процесс, результатом которого становится системное качество и пространство возможностей, ранее отсутствовавшие как целое.

Цель статьи состоит в обосновании самостоятельного статуса *генеративной функции развития* и *конструктивного взаимодействия* как одного из её структурных условий. Под *генеративностью* здесь понимается способность процесса порождать новое системное качество

и новое пространство возможностей. Концепция генеративности вступает в содержательный диалог с *эмерджентизмом* и *философией процесса*, но не сводится ни к одному из этих направлений. *Эмерджентизм* характеризует несводимость возникающего качества к свойствам его элементов, *философия процесса* раскрывает онтологическое значение становления, события и отношения, тогда как *теория генеративности* переносит акцент на функцию и структурные условия порождения нового. Структурным условием исследуемого класса генеративных процессов выступает *конструктивное взаимодействие* – устойчивая связь различающихся и относительно самостоятельных элементов, взаимно преобразующих способы своего функционирования и образующих новое целое.

Конструктивное взаимодействие имеет более общий статус, чем *симбиотический закон эволюции* [20]. Симбиоз и симбиогенез образуют эмпирическую основу исследования; метафизическим основанием выступает философски реконструируемый принцип конструктивного взаимодействия. Одновременно этот принцип выполняет функцию основного топоса исследования – эвристико-аргументативного *общего места*, из которого выявляются и сопоставляются различные формы генеративного возникновения нового. В таком употреблении понятие топоса восходит к аристотелевской *топике* [2], рассматриваемой в философской интерпретации А.Ф. Лосева как особая логика нахождения и смысловой организации вероятностных аргументов [25]. *Симбиотический закон эволюции* представляет биологическую конкретизацию данного принципа, но не непосредственное нормативное основание педагогики или коммуникативной этики.

Исследование развивается в рамках Общей теории живого слова (ОТЖС) [20]. Биологический аргумент выполняет *диагностическую*, *модальную* и *терапевтическую* функции: выявляет ограниченность конфликтной картины развития, показывает осуществимость генеративного объединения различного и устраняет самоочевидность конкуренции как единственного двигателя усложнения. При этом должное не выводится из сущего. Речь идет не об «универсальном законе всего существующего», а о тезисе, согласно которому теория развития неполна, пока анализ *сохранения* и *устранения* не дополнен анализом *порождения нового*.

Выбор наименования «симбиотический закон» имеет не только классификационное, но и генеративно-реконструктивное и терапевтическое значение. Предшествующие историко-философские, текстологические и компьютерно-лингвистические исследования позволили поставить под сомнение аутентичность формулы «единство и борьба противоположностей» как «универсального закона классической диалектики» и расценить её как софистическую уловку. Согласно выполненной реконструкции, эта метафоризированная вариация складывалась в советском «философском дискурсе» на рубеже 1920–1930-х годов, была институционально канонизирована и затем ретроспективно приписана Гегелю и классикам марксизма-ленинизма. Проблема этой «формулы» состоит не в признании реальности противоречия, а в превращении метафоры *борьба* в привилегированную модель его существования и разрешения [22; 28].

Симбиотический закон формулируется как средство генеративной реконструкции сложившейся номологической рамки. Его назначение состоит не в замене одной абсолютной догмы другой и не в теоретическом устранении конфликтной модели, а в дифференциации её содержания: сохранении *эвристически значимого ядра* идеи *единства противоположностей*, выявлении метафорической интерполяции «борьбы», ограничении области конфликтно-селективных процессов и включении их в более полную модель развития. В аналитическом плане наделение метафоры «борьба» квазикатегориальным статусом воспроизводит *абстрактное ядро* эристики и софистики: сценарий противоборства соединяется здесь с возможностью нефиксированного переключения между различными значениями метафоры. Тем самым статья исследует не только биологическую возможность конструктивной интеграции, но и способы перевода человеческого и машинного концептирования от автоматического воспроизведения «схемы борьбы» к поиску генеративной конфигурации отношений.

1. Генеративность как философская проблема теории развития

Философская трудность понятия *нового* состоит в том, что *новое* должно быть одновременно связано с предшествующим состоянием и несводимо к нему. Если оно полностью выводимо из наличного, перед нами лишь реализация заранее содержащейся возможности; если никак с ним не связано – необъяснимый разрыв. Понятие *генеративности* задает иной ход мысли: новое возникает не вне отношений между существующими элементами, но и не содержится в каждом из них в готовом виде. Оно формируется в способе их связи.

Необходимо различать *генеративность*, *вариативность* и *селективность*. *Генеративность* связана с возникновением нового уровня организации и преобразованием самого пространства возможностей. *Вариативность* создает различия состояний и признаков внутри определенного пространства возможного. *Селективность* изменяет представленность уже возникших вариантов: одни получают продолжение, другие ограничиваются или исчезают. В *генеративном процессе* элементы начинают действовать в отношениях, которых ранее не существовало, а возникающая целостность получает способности, отсутствовавшие у компонентов по отдельности.

В эволюционной теории это различие принципиально. Дарвиновская «теория естественного отбора» предложила неметафизическое объяснение адаптации, однако её культурная рецепция нередко превращала селективную схему в «универсальную онтологию борьбы» и «выживания сильнейшего». Такая редукция смешивает происхождение формы с условиями её закрепления. К.Ф. Кесслер и П.А. Кропоткин показали, что *взаимная помощь* является самостоятельным фактором эволюционного успеха, не отменяющим борьбу за существование, но лишаящим её статуса исключительного принципа [13; 17]. Исследования симбиогенеза и крупных эволюционных переходов усилили этот вывод: прежде относительно самостоятельные единицы способны образовывать целое нового порядка [30; 38].

Простая замена конкуренции кооперацией, однако, не решает проблемы. *Кооперация* может поддерживать существующий порядок, *согласованность* – достигаться ценой подавления автономии частей, а *устойчивое сожительство* – принимать паразитические формы. *Генеративность* определяется не моральной привлекательностью сотрудничества, а появлением нового целого, в котором различия участников становятся взаимно продуктивными.

Конструктивное взаимодействие следует отличать от механического соединения и поглощения. В механической совокупности части остаются внешними друг другу, а свойства целого в основном равны их сумме. При поглощении одна сторона ассимилирует другую, и различие устраняется. В генеративной связи участники преобразуют способы собственного функционирования, не исчезая в результате. Отношение становится внутренним условием существования новой системы.

Предлагаемое понимание возникновения нового соприкасается с традицией *эмерджентизма*, в которой целостная система рассматривается как зависящая от составляющих её элементов и одновременно обладающая относительной автономией, поскольку её свойства не сводятся к простой сумме свойств частей [34; 41]. Понятие *эмерджентности* позволяет зафиксировать онтологическую новизну возникшего уровня организации и избежать как субстанциального дуализма, отрывающего новое качество от его основания, так и редукционизма, отрицающего самостоятельное значение целого.

Однако *генеративность* и *эмерджентность* не являются синонимами. *Эмерджентность* характеризует преимущественно статус результата: возникшее целое обладает свойствами, отсутствующими у его компонентов по отдельности и у их механической совокупности. *Генеративность* относится прежде всего к функции и структуре процесса возникновения: она обозначает способность взаимодействия преобразовывать способы функционирования его участников, образовывать новое целое и тем самым изменять само пространство возможного. *Эмерджентность* отвечает на вопрос о несводимости возникшего качества, *генеративность* – о способе и условиях его порождения.

Конструктивное взаимодействие при этом не следует считать единственным возможным механизмом всякой *эмерджентности*. Новые свойства могут возникать в результате различных процессов самоорганизации, фазовых переходов, дифференциации и структурного усложнения. Настоящее исследование выделяет более определенный класс случаев, в которых источником новообразования становится устойчивая связь различающихся и относительно самостоятельных элементов, взаимно преобразующих способы своего существования. Поэтому понятие *генеративности* не заменяет *эмерджентизм*, а дополняет его процессуальным и функциональным измерением.

Генеративные и *селективные* процессы принадлежат к разным порядкам объяснения. *Генеративность* отвечает на вопрос: каким образом образуется форма, способная стать предметом отбора? *Селекция* – какие из уже возникших форм сохранятся и распространятся? Первая преобразует само пространство возможностей, вторая предполагает наличие этого пространства. *Отбор* может закрепить новое качество, но не может задним числом стать его источником. *Генеративное возникновение*, со своей стороны, не гарантирует устойчивости результата. Теория развития должна поэтому описывать связь обеих функций, не смешивая их и не представляя как две равноценные стороны одной «борьбы».

Различие *генерации* и *селекции* имеет культурно-историческое измерение. В частности, как древнейшую повествовательную форму рефлексии о происхождении нового можно рассматривать *космогонический миф*: человеческое сознание с появлением языка спрашивает, каким образом из неопределенного или ещё не организованного возникает мир как целое [12]. В космогонических сюжетах рождение порядка нередко связывается с соединением, оплодотворением, словом, дыханием или согласованным действием первоначал [3]. Новое мыслится здесь как результат житнетворного отношения.

Космогоническая схема может быть понята не только как повествование о единственном начале мира, но и как предельная модель возникновения порядка из состояния, в котором данный порядок ещё отсутствовал. В этом ограниченном смысле генеративное событие, приводящее к образованию относительно самостоятельного целого и нового пространства возможностей, может быть охарактеризовано как локальная космогония. Термин употребляется здесь *эвристически*: речь идет не о буквальном «сотворении нового мира» и не о непосредственном переносе мифологической модели в научное объяснение, а о структурной аналогии между возникновением космоса как упорядоченного целого и образованием нового уровня организации.

Эту модель следует отличать от *змееборческого мотива*, в котором герой побеждает силу, удерживающую воду, свет, плодородие или иное уже существующее благо. Победа имеет освободительное значение, но её генеративный статус ограничен: устранение препятствия возвращает скрытое или захваченное, не обязательно создавая прежде отсутствовавшее качество. Обнаруживаются две логики изменения: порождение нового посредством житнетворного соединения и освобождение существующего посредством устранения помехи. Их смешение приводит к тому, что всякое возникновение объясняется «победой», хотя победа чаще определяет доступ, распределение или сохранение, чем структуру новообразования. Между тем необходимо понимать, что обе эти логики представляют собой два мотива основного космогонического мифа. Особенно важно это понимать в связи с так называемой «теорией основного мифа», представлявшей *борческий мотив* за сам *основной индоевропейский миф* [19].

Следует заметить, что философская реабилитация *генеративности* не является апологией бесконфликтности. Различие, напряжение и конфликт могут входить в процесс возникновения нового, но сами по себе не обладают генеративной функцией. Конфликт может получить генеративное значение лишь тогда, когда выявленное им противоречие становится основанием для преобразования отношений и образования новой структуры взаимодействия. *Генеративность* же начинается там, где различие становится ресурсом построения связи, а не только причиной расхождения.

Предварительно *принцип конструктивного взаимодействия* можно определить как *устойчивое отношение различающихся и относительно самостоятельных элементов, при котором их взаимное дополнение, ограничение и преобразование порождают системное качество, отсутствовавшее у каждого участника и у их простой совокупности*. И хотя определение не претендует на статус «универсального закона бытия», оно задает философскую гипотезу и критерий анализа, позволяющий различать взаимодействия, расширяющие пространство возможного, и процессы, лишь сохраняющие или перераспределяющие уже существующее.

2. Конструктивное взаимодействие как онтологический принцип возникновения нового

Функциональное различение *генеративных* и *селективных* процессов позволяет уточнить философский статус *конструктивного взаимодействия*. Оно рассматривается здесь не как моральное требование сотрудничества и не как универсальное утверждение о гармоническом устройстве мира, а как философски реконструируемый принцип, описывающий одно из условий возникновения новых целостностей. Его содержание раскрывается там, где различающиеся элементы не только сосуществуют или воздействуют друг на друга, но вступают в такую связь, которая преобразует возможности каждого из них и порождает новый уровень организации.

Для определения этого принципа необходимо прежде всего отказаться от представления, будто всякое взаимодействие является конструктивным. Столкновение, вытеснение, подчинение, обмен, временная координация и даже устойчивое сотрудничество могут происходить без возникновения нового системного качества. Взаимодействие становится генеративным лишь при наличии нескольких взаимосвязанных условий: участники должны обладать различиями, сохранять относительную самостоятельность, вступать в устойчивую связь, взаимно изменять способы своего функционирования и образовывать целое, свойства которого не воспроизводят простую сумму исходных элементов.

Различие в данном случае имеет не препятствующий, а продуктивный статус. Полностью тождественные элементы могут умножать уже существующую структуру, но не обязательно создают новый способ организации. Генеративный потенциал возникает благодаря несовпадению свойств, функций, ресурсов и перспектив участников. Однако различие само по себе также ничего не порождает. Оно может вести к расхождению, изоляции или конфликту. Новое возникает тогда, когда различия включаются в систему взаимного дополнения и ограничения, становясь внутренними моментами более сложного единства.

Конструктивное взаимодействие нельзя и неправильно сводить к устранению противоречия. В аналитическом отношении *противоречие* представляет собой структурное, относительно *статическое* отношение несовпадающих определений, направленностей или возможностей, тогда как *конфликт* является *динамической*, процессуальной формой актуализации этого несовпадения во взаимодействии сторон. Поэтому *конфликт* составляет лишь один из возможных способов развертывания противоречия, но не является ни его необходимым следствием, ни единственной формой существования. *Противоречие* может оставаться латентным, получать дискурсивное выражение, регулироваться посредством разграничения позиций либо преобразовываться в новую структуру отношений. *Конфликт* возникает тогда, когда несовпадение актуализируется как взаимное противодействие; генеративное взаимодействие – когда оно становится источником перестройки отношений и образования нового пространства возможностей. Противоречие может быть удержано и преобразовано таким образом, что ни одна из сторон не устраняется, а их соотношение становится источником новой структуры. В этом смысле генеративный процесс не уничтожает различие, но изменяет способ его существования: внешняя несовместимость преобразуется во внутреннюю дифференциацию целого.

Отождествление *противоречия* или *взаимодействия* с *конфликтом* представляет собой *метонимическую редукцию*, при которой одна из возможных форм развертывания отношения начинает обозначать и концептуально замещать всё отношение. Конфликт действительно

может возникать на основе противоречия и является одним из видов взаимодействия, однако не исчерпывает ни структуры противоречия, ни многообразия интеракционных процессов. Подмена целого его частным конфликтным режимом сужает пространство концептуально доступных возможностей: латентное несовпадение, диалогическое прояснение, взаимное дополнение, функциональное разграничение и генеративное преобразование отношений становятся менее различимыми либо истолковываются как скрытые формы борьбы.

Принцип конструктивного взаимодействия позволяет также разграничить *механическое сложение* и *системное возникновение*. При механическом соединении части сохраняют прежние свойства, а связь между ними остается внешней. Такая совокупность может быть разобрана без принципиального изменения составляющих её элементов. В генеративной целостности отношение приобретает конститутивное значение: участники начинают существовать и действовать иначе именно потому, что включены в новую систему связей. Возникающая форма не просто объединяет готовые функции, а перестраивает их, распределяет между ними новые роли и открывает возможности, отсутствовавшие до объединения.

Это обстоятельство позволяет говорить о *генеративности* не только как о производстве отдельного свойства, но и как о создании нового пространства возможного. Возникновение многоклеточного организма, языка, научной теории или устойчивого сообщества означает не простое добавление ещё одного объекта к уже существующим. Вместе с новой целостностью появляются новые типы действий, отношений, ограничений и перспектив развития. Генеративный процесс тем самым изменяет онтологическую ситуацию: возможным становится то, что не могло быть осуществлено каждым элементом по отдельности.

В культурно-языковой сфере такое новое пространство возможного приобретает форму *горизонта смысловой потенциальности*: язык открывает возможности понимания и совместного бытия, которые получают действительность лишь в конкретном событии живого слова [23].

Такое понимание *генеративности* обнаруживает содержательное родство с *философией процесса*, для которой становление, событие, отношение, новизна и творчество принадлежат к фундаментальным категориям описания реальности. В процессуальной перспективе вещи не являются абсолютно завершёнными носителями неизменных свойств: их определенность формируется и поддерживается в совершающихся отношениях, а возникновение нового представляет не внешнее добавление к бытию, но внутреннее измерение его становления.

Особенно близка настоящему исследованию *философия организма* А.Н. Уайтхеда, в которой действительные сущности понимаются как события становления, внутренне связанные с предшествующим миром [29]. Уайтхедовская формула «многие становятся одним, и число их увеличивается на единицу» выражает переход от множественности к новому единству, не сводимому к простому сложению исходных элементов [43]. В этом отношении *конструктивное взаимодействие* может быть рассмотрено как один из способов конкретизации процессуального тезиса о возникновении нового посредством отношения.

Показательно, что грамматический коррелят подобной онтологии отношения обнаруживается в философской интерпретации *двойственного числа*. В. фон Гумбольдт видел в нём выражение не просто количества «два», а особой коллективно-единой формы – *единства во множестве* [35]. В ОТЖС двойственное число рассматривается как грамматический коррелят *соборной формы* слова: два различающихся начала образуют со-причастностное единство, не утрачивая своей различённости. В таком прочтении двойственное число можно понимать как грамматическую модель минимального генеративного события: два становятся одним, не переставая быть двумя, а возникающее между ними отношение образует новое смысловое целое. Поэтому уайтхедовская формула «многие становятся одним, и число их увеличивается на единицу» и философская семантика двойственного числа сходятся в одном принципиальном пункте: подлинное объединение не сокращает различие, а посредством отношения производит новое единство и тем самым увеличивает пространство существующего и возможного.

Вместе с тем предлагаемая концепция не предполагает принятия всей метафизической системы *философии процесса*. *Генеративность* не объявляется здесь универсальной космической творческой силой, а *конструктивное взаимодействие* – единственным способом существования реальности. Задача исследования имеет более ограниченный характер: выявить структуру тех процессов, в которых различающиеся и относительно самостоятельные элементы, вступая в устойчивую связь, образуют новое системное качество и открывают ранее отсутствовавшие возможности. Поэтому *философия процесса* задает общий онтологический горизонт исследования, тогда как *принцип конструктивного взаимодействия* фиксирует более определенную *генеративную структуру*.

Относительная самостоятельность участников является принципиальным условием такого процесса. Если один элемент полностью поглощается другим и утрачивает всякую собственную определенность, возникшее образование может оказаться устойчивым, но его нельзя автоматически считать моделью конструктивного взаимодействия в нормативном смысле. С другой стороны, абсолютная автономия исключает образование общего целого. Генеративная связь располагается между изоляцией и растворением: участники ограничивают часть прежней независимости, но приобретают способности, возникающие только благодаря отношению с другим.

В естественных системах степень сохранения самостоятельности может существенно различаться. В гуманитарной же сфере этот критерий получает особое значение, поскольку речь идет о субъектах, обладающих сознанием, достоинством и способностью к свободному действию. Поэтому философский *принцип конструктивного взаимодействия* содержит *дескриптивное ядро*, но не исчерпывается им при переходе к человеческим отношениям. Биологическая интеграция может показать, что порождение нового через объединение различного реально возможно; определить же, какие формы объединения приемлемы для человека, способна только самостоятельная аксиологическая аргументация.

В логико-методологическом плане необходимо различать *порядок открытия* и *порядок обоснования принципа*. В *порядке открытия* исходными являются конкретные феномены, в которых наблюдается возникновение новой целостности: симбиогенез, кооперативные эволюционные переходы, порождение смысла в диалоге, интеграция знаний и способностей в образовательном процессе. Сопоставление этих феноменов позволяет обнаружить повторяющуюся структуру и сформулировать интуицию *конструктивного взаимодействия*. В *порядке обоснования*, напротив, отдельный эмпирический факт уже не может выступать достаточным основанием междисциплинарной теории. Первичным становится философски реконструированный принцип, а конкретные природные, культурные и педагогические процессы рассматриваются как различные способы его проявления.

Такое различие предохраняет исследование от двух противоположных ошибок. Первая состоит в *натуралистическом редукционизме*, когда культурные и педагогические отношения непосредственно выводятся из биологических процессов. Вторая – в *произвольной метафоризации*, когда сходство явлений утверждается без выявления их общей структуры. *Принцип конструктивного взаимодействия* занимает промежуточное положение: он не отождествляет разные уровни реальности, но позволяет сравнивать их по функциональному критерию – способности устойчивой связи различающихся элементов порождать новое целое.

Применительно к Общей теории живого слова *принцип конструктивного взаимодействия* имеет двойной теоретический статус. Как *метафизическое основание* он обозначает одно из условий возможности возникновения нового системного качества. Как *основной топос* исследования он выполняет *эвристико-аргументативную функцию*: задает место постановки вопроса, из которого могут быть выявлены и сопоставлены биологические, педагогические, культурно-коммуникативные и технологические формы генеративности.

Термин «топос» употребляется здесь не в пространственно-географическом значении и не как синоним онтологического основания. В аристотелевской традиции *топос* представляет собой *общее место* или *схему нахождения аргумента*; в интерпретации А.Ф. Лосева *топологическая логика* позволяет связывать вероятностное рассуждение с конкретными

фактами жизни и мысли [25]. Поэтому *принцип конструктивного взаимодействия* является основанием по своему онтологическому статусу и топосом по своей функции в построении исследования.

Следовательно, *принцип конструктивного взаимодействия* можно определить как онтолого-методологическое положение, согласно которому устойчивая связь различающихся и относительно самостоятельных элементов, взаимно преобразующая способы их функционирования, выступает одним из структурных условий возникновения нового системного качества. Данное определение не объявляет генеративность единственным механизмом развития. Оно указывает на самостоятельную функцию, которая не может быть полностью объяснена категориями отбора, конкуренции и устранения.

На данном уровне речь идет именно о принципе, а не о законе: он устанавливает структурное условие *генеративности*, но ещё не фиксирует область, механизм и условия его регулярного проявления. Статус закона возникает при конкретизации принципа применительно к определенной сфере реальности, когда может быть установлена условная связь между воспроизводимой конфигурацией взаимодействия и типом порождаемого ею результата.

3. Симбиотический закон эволюции как биологическая конкретизация генеративного принципа

Одним из наиболее содержательных естественнонаучных оснований для философской реконструкции *генеративности* является *симбиогенез* – возникновение новых форм организации живого в результате устойчивого объединения ранее самостоятельных организмов или клеточных систем. Его значение для настоящего исследования определяется не тем, что вся эволюция может быть сведена к симбиозу, а тем, что симбиогенез демонстрирует принципиальную возможность порождения нового уровня организации посредством интеграции различного.

История симбиогенетической теории показывает постепенный переход от наблюдения отдельных форм совместной жизни к признанию их эволюционного значения [9]. Исследование лишайников позволило установить, что организм, воспринимавшийся как единичная растительная форма, представляет собой устойчивую ассоциацию различающихся компонентов. В начале XX в. К.С. Мережковский и А.С. Фаминцын связали симбиоз с происхождением клеточных структур фотосинтезирующих организмов [26; 30]. Впоследствии Б. М. Козо-Полянский придал этой линии более общий характер, рассматривая симбиогенез как один из значимых принципов эволюционного формообразования [14]. Во второй половине XX в. эндосимбиотическая теория получила развитие и эмпирическое обоснование в работах Л. Маргулис [38].

В современной биологии эндосимбиотическое происхождение митохондрий и пластид относится к числу общепринятых положений, тогда как гипотезы о симбиотическом происхождении ряда других клеточных структур требуют более осторожного отношения [10]. Для философской аргументации существенно не расширительное толкование симбиогенеза, а установленный факт: по меньшей мере некоторые фундаментальные структуры эукариотической клетки возникли в результате интеграции ранее самостоятельных форм жизни.

Этот факт выявляет ограниченность объяснительной модели, сосредоточенной исключительно на *дивергенции* и *селекции*. Естественный отбор способен объяснять, почему возникшая симбиотическая система сохранилась, приобрела распространение и вытеснила менее эффективные формы. Однако он не заменяет описания самого интегративного события, в результате которого прежде самостоятельные системы образовали новое функциональное целое. *Отбор* действует по отношению к уже возникшему новообразованию; *симбиогенез* же описывает сам процесс его возникновения.

Развитие этой идеи представлено в концепции крупных эволюционных переходов Дж. Мейнарда Смита и Э. Сатмари [40]. История жизни рассматривается в ней как

последовательность событий, при которых прежде самостоятельные единицы объединялись и образовывали новую единицу организации и отбора: независимые репликаторы включались в хромосомы, клетки – в многоклеточные организмы, отдельные организмы – в сложно организованные сообщества. Каждая такая интеграция сопровождалась не только приобретением преимуществ, но и необходимостью ограничения внутреннего конфликта, координации функций и формирования механизмов поддержания целостности.

В данном контексте *кооперация* не противопоставляется *отбору* как альтернативная всеобъясняющая сила. Напротив, *отбор* участвует в закреплении кооперативных образований, а *конкуренция может влиять на условия их возникновения и дальнейшую судьбу* [42]. Однако функциональные роли этих процессов различаются. *Интегративный процесс* формирует целостность, которой прежде не существовало; *селекция* определяет её последующую судьбу – сохранение, распространение или устранение. Именно поэтому *генеративные* и *селективные* процессы нельзя представить как симметричные разновидности одной и той же деятельности: первый формирует предмет возможного отбора, второй действует по отношению к нему.

Для уточнения теоретического статуса предлагаемого положения необходимо различать *принцип*, *философский закон* и *эмпирическую тенденцию*. *Принцип конструктивного взаимодействия* имеет наиболее общий онтологико-методологический статус: он выявляет структуру отношений, при которой различающиеся и относительно самостоятельные элементы способны образовать новое системное качество. Принцип отвечает на вопрос об условиях возможности генеративного возникновения, но сам по себе не утверждает, что такое возникновение происходит всегда или имеет одинаковую частоту в разных областях реальности.

Философский закон в настоящем исследовании понимается как условно-номологическое обобщение, связывающее определенную конфигурацию условий с определенным типом результата в конкретной области бытия. В отличие от *принципа*, он не только задает общий критерий, но и указывает, каким образом генеративная возможность реализуется посредством определенного механизма. Такой *закон* может иметь форму *ceteris paribus*: он не требует безусловного наступления результата в каждом единичном случае, однако обладает объяснительным и контрфактическим значением. Он позволяет утверждать, что при воспроизведении релевантных условий действие данного механизма будет направлено к соответствующему типу результата, если его осуществление не будет блокировано противодействующими факторами.

Эмпирическая тенденция характеризует не модальную связь условий и результата, а фактическую распространенность, частоту и направленность соответствующих процессов. Она зависит от конкретного распределения исторических, экологических и эволюционных обстоятельств, поэтому может проявляться с различной интенсивностью или временно не обнаруживаться. Наличие тенденции служит свидетельством действия определенного механизма, но не тождественно закону: повторяемость без выявления порождающей структуры остаётся эмпирическим обобщением, тогда как закон объясняет, почему данная направленность возникает при соответствующих условиях.

С учётом этого различия *симбиотический закон эволюции* может быть сформулирован следующим образом: *при экологической совместимости участников, возможности формирования жизнеспособной системы и стабилизации связи устойчивое объединение различающихся и относительно самостоятельных живых систем, сопровождаемое их взаимной функциональной перестройкой и координацией, порождает новый уровень организации, обладающий функциями и возможностями, недоступными участникам по отдельности*. Селективные процессы не создают эту целостность, но участвуют в её последующем сохранении, распространении или устранении.

Слово «закон» употребляется здесь не в смысле строгой количественной и безысключительной зависимости. *Симбиотический закон* представляет философско-биологическое условно-номологическое обобщение: он фиксирует устойчивую связь между определенным типом интегративного механизма и возникновением нового уровня

организации. Контингентными остаются встреча потенциальных участников, конкретная конфигурация их взаимодействия и историческая судьба образовавшейся системы; закономерной признается не неизбежность единичного результата, а условная связь между формированием устойчивой функциональной интеграции и возникновением нового уровня организации.

Из условного характера закона следует, что не всякий симбиоз является генеративным. Биологическое понятие симбиоза охватывает различные типы совместного существования, включая отношения, не создающие новой интегральной целостности или основанные на эксплуатации одной стороны другой. Генеративный статус принадлежит не совместности как таковой, а такому взаимодействию, в котором формируются новые взаимозависимые функции, новая структура и новое пространство возможностей. Поэтому симбиогенез является более точной биологической моделью генеративности, чем предельно широкое понятие кооперации.

Не следует также понимать *симбиотический закон* как буквальное доказательство всеобщей направленности природы к гармонии. Он не устраняет конкуренцию, хищничество, паразитизм и распад, а лишь показывает, что конфликтно-селективная картина не исчерпывает механизмов эволюционного развития. В ряде фундаментальных эволюционных переходов усложнение живого происходило посредством интеграции различающихся систем; следовательно, расхождение, дифференциальное сохранение и устранение не исчерпывают механизмов эволюционного формообразования.

В соотношении с *принципом конструктивного взаимодействия* вновь сформулированный *симбиотический закон* занимает подчиненный, конкретизирующий уровень. *Принцип* отвечает на вопрос о структурных условиях возникновения нового посредством взаимодействия различного; *закон* показывает, как такая возможность реализуется в определенной области реальности – в эволюции живых систем. *Симбиогенез* тем самым выступает эмпирической основой философской реконструкции, но метафизическое содержание принципа не сводится к биологическому материалу.

Именно это соотношение позволяет включить симбиотический аргумент в ОТЖС, не превращая биологию в источник готовых педагогических или этических предписаний. Симбиогенез свидетельствует, что объединение различающихся систем способно быть не только ограничением их автономии, но и источником новых форм существования. Он раскрывает *онтологический потенциал генеративности*, тогда как вопрос о человечески приемлемых способах его реализации требует отдельного рассмотрения.

4. Онтологический потенциал симбиогенеза и проблема натуралистической ошибки

Переход от биологического описания *симбиогенеза* к *философскому принципу конструктивного взаимодействия* требует строгого определения границ аргументации. Сам факт существования в природе устойчивых кооперативных систем ещё не устанавливает, какие формы взаимодействия должны быть избраны человеком. Биологическая успешность отношения не тождественна его нравственной приемлемости, а эволюционная устойчивость не является достаточным критерием социальной или педагогической ценности. Поэтому симбиогенез может выступать онтологическим ресурсом гуманитарного исследования, но не непосредственным источником нормы.

Для уточнения его статуса необходимо различать *эмпирическую основу*, *метафизическое основание* и *онтологический потенциал*. *Эмпирическую основу* образуют наблюдаемые процессы *симбиоза*, *симбиогенеза* и *кооперативной интеграции*. *Метафизическим основанием* является реконструируемый на их материале *принцип конструктивного взаимодействия*, согласно которому устойчивая связь различающихся систем при определённых условиях способна порождать новое системное качество. *Онтологический потенциал* обозначает объективную возможность такого порождения, укорененную не только в человеческих пожеланиях и ценностях, но и в самой организации живого.

Это различие позволяет избежать как *натуралистической ошибки*, так и противоположной ей *редукции* природного материала к иллюстративной метафоре.

Натуралистическая ошибка возникает в том случае, если из утверждения «в природе существует кооперация» непосредственно выводится предписание «человек должен сотрудничать». Такой переход логически неправомерен: в природе существуют также конкуренция, паразитизм, поглощение, жёсткая иерархия и элиминация. Если биологический факт сам по себе признается нормой, то нормативное значение пришлось бы приписать всем эволюционно устойчивым формам взаимодействия.

В то же время полное устранение биологического аргумента из гуманитарного рассуждения также было бы неоправданным. Представления о природе фактически участвуют в обосновании социальных и педагогических практик, даже когда это участие не осознается. Конкуренция, принуждение и конфликт нередко легитимируются ссылкой на якобы «универсальный природный порядок»: борьба объявляется двигателем якобы всякого развития, а сотрудничество – искусственным ограничением естественного эгоизма. В подобных случаях биология уже используется нормативно, но используется односторонне и редуцированно. Поэтому задача состоит не в отказе от естественнонаучного материала, а в методологическом контроле над способом его включения в философскую аргументацию.

В рамках ОТЖС биологический аргумент выполняет три взаимосвязанные функции: *диагностическую, модальную и терапевтическую*. *Диагностическая функция* состоит в выявлении различных структур взаимодействия. Биологическое понятие симбиоза охватывает мутуализм, комменсализм, паразитизм и другие формы совместного существования. Их сопоставление показывает, что устойчивость связи ещё не свидетельствует о её конструктивности, а совместность не гарантирует взаимного развития участников. Тем самым биологический материал помогает различать взаимодействия, порождающие новое качество, и отношения, основанные на одностороннем использовании, приспособлении или растворении одной стороны в другой.

Модальная функция отвечает не на вопрос о должном, а на вопрос о возможном. Симбиогенез свидетельствует, что возникновение новых уровней организации посредством устойчивого объединения различающихся систем не является утопической схемой, придуманной гуманитарным сознанием. Такая возможность реализовалась в истории жизни и стала одним из факторов её усложнения. Биологический аргумент не предписывает человеку определенную модель отношений, но показывает онтологическую осуществимость генеративного взаимодействия.

Терапевтическая функция состоит в устранении ложной презумпции неизбежности конфликта. Если конкуренция является не единственным механизмом развития, а селективным процессом, взаимодействующим с генеративными механизмами, то конфликтная стратегия утрачивает право представлять себя непосредственным выражением «законов природы». Это не означает, что сотрудничество автоматически становится нравственной нормой. Изменяется само распределение бремени доказательства: конструктивное взаимодействие больше не обязано оправдываться как исключение из естественного порядка, тогда как выбор принуждения, подавления или разрушительной конкуренции должен получать самостоятельное обоснование.

Терапевтическая функция симбиотического закона имеет конкретный историко-философский адресат. Речь идет о закрепившейся в «диалектическом материализме» формуле «единство и борьба противоположностей», посредством которой противоречие было концептуально сближено с конфликтом, а борьба получила статус универсального источника развития. Такое сближение не вытекает автоматически ни из существования противоположностей, ни из классического понимания диалектики. В высоко-классической традиции противоречие могло выступать началом эвристического диалога и совместного движения к истине, тогда как борьба характеризует лишь один из возможных – эристический – способов его развёртывания [22].

Корпусный и текстологический анализ показывает, что известная формула складывалась поэтапно. На рубеже 1920–1930-х годов в материалах «Журнала Коммунистической академии» происходило сближение «единства противоположностей» с революционной семантикой «борьбы»;

и лишь в 1931 г. появляется её эксплицитное провозглашение основным законом природы и общества. Однако даже учебник «Диалектический материализм» 1934 г. сохранял формулу «единство и взаимопроникновение противоположностей», тогда как метафоризированная версия закрепляется лишь в популярном очерке М.М. Розенталя 1937 г. и последующей словарной канонизации. Показательно и изменение частотности: в учебнике 1934 г. «взаимопроникновение» употребляется 12 раз, а «борьба» – 5; в очерке 1937 г. «борьба» встречается 27 раз, а «взаимопроникновение» – один раз. Одновременно меняется коллокационное поле: борьба связывается с классами, врагами и победой социализма, тогда как взаимопроникновение – с единством, развитием и качеством [22; 38].

Рассматриваемая трансформация имела не только терминологический, но и структурно-семантический характер. Классическая формула «единство противоположностей» соединяла две фундаментальные философские категории: *противоположности* обозначали различающиеся стороны отношения, а *единство* – способ их взаимной соотнесенности. Такая формула сама по себе не предписывала конфликтного характера связи и допускала её понимание как взаимной обусловленности, взаимопроникновения, дополнения, преобразования и образования более сложной целостности. В этом смысле *единство противоположностей* может рассматриваться как одна из *онтологических предпосылок* идеи *генеративности*.

В результате лексико-синтаксической и концептуальной операции метафора «борьба» была поставлена между двумя фундаментальными философскими понятиями – «единство» и «противоположности» – и синтаксически уравнена с *категорией единства*. Таким образом, философская категория оказалась уравнена с многозначной метафорой! Именно это категориальное уравнивание позволяет аналитически характеризовать произведенную операцию как софистически устроенную: метафора сохраняет необходимую для эквивокации смысловую подвижность, но одновременно приобретает авторитет и видимость однозначности философской категории.

Наделение метафоры «борьба» квазикатегориальным статусом может быть аналитически охарактеризовано как воспроизведение *абстрактного ядра* эристики и софистики: *эристического* – поскольку различие заранее концептуализируется по модели противоборства, победы и поражения; *софистического* – поскольку многозначная метафора используется так, как если бы обладала однозначным и строго определенным категориальным содержанием, что позволяет незаметно переходить от значений различия, напряжения и взаимодействия к значениям конфликта, подавления и устранения.

При этом метафора сохраняла широкую контекстуальную многозначность: она могла обозначать различие, напряжение, взаимодействие, противодействие, конкуренцию, политический конфликт, насилие или уничтожение. Включаясь в синонимический ряд конфликта, противоборства и столкновения, метафора «борьба» сохраняла свою исходную образно-сценарную семантику, организованную вокруг противостоящих сторон, преодоления сопротивления, победы и поражения. Благодаря этой семантической насыщенности и высокой мобилизующей выразительности она приобретала повышенную воспроизводимость в эристически организованном дискурсе и постепенно вытесняла из языка описания отношений более нейтральные понятия – различие, соотнесенность, взаимодействие, взаимопроникновение и взаимную обусловленность. В предельном случае *метафора* начинала замещать даже *философскую категорию противоречия*, переводя структурное несовпадение в конфликтный сценарий его развёртывания. Такой процесс может быть описан как *лексико-дискурсивная селекция*: преимущественно закрепляются слова и смысловые модели, обладающие большей эмоциональной, мобилизующей и эристической силой, тогда как нейтральные и диалогические способы концептуализации становятся менее заметными и реже воспроизводятся. Иначе говоря, метафора «борьба» не только изображает *развитие* как *селекцию*, но и сама получает селективное преимущество в дискурсе, вытесняя генеративные и диалогические способы описания отношений. Понятие *селекции* употребляется здесь не как буквальный перенос

биологического закона на язык, а как *функциональная аналогия*, обозначающая неравномерное закрепление и воспроизводство конкурирующих способов речевой концептуализации.

Такая смысловая подвижность позволяла при философском обосновании толковать «борьбу» почти как нейтральное взаимодействие, а при политическом применении переводить её в буквальный конфликтный регистр, не фиксируя момента семантической подмены. Поэтому речь идет не о простом дополнении классической формулы «третьим элементом», а о её исторически произведенной конфликтной и манипулятивной перекодировке: *конфликтной* – поскольку противоположности начинают пониматься преимущественно как противоборствующие стороны; *манипулятивной* – поскольку многозначность метафоры позволяет переносить политико-эристические значения в онтологический дискурс, сохраняя видимость универсального философского закона [22; 38].

Симбиотический закон вступает с классической идеей единства противоположностей в генеративное отношение: сохраняет её онтологическое ядро – возможность единства различного, – отделяет его от поздней конфликтной и манипулятивной интерполяции метафоры «борьба» и конкретизирует на материале симбиогенеза как способность различающихся систем образовывать новое целое. По отношению к исторически сконструированной формуле «единство и борьба противоположностей» он действует не посредством внешнего отрицания или замещения одной универсальной схемы другой, а посредством имманентной реконструкции: признает реальность противоречия, напряжения, конфликта и селективных процессов, но уточняет пределы их действия и включает их в более широкую модель развития, различающую порождение нового и последующую судьбу возникших форм.

Такой способ работы с концепцией в рамках ОТЖС предлагается обозначить как *генеративную критику*. В отличие от преимущественно *селективной критики*, сосредоточенной на выявлении ошибки и устранении несостоятельного положения, генеративная критика не обращается с критикуемой теорией как с неделимым ложным целым. Она дифференцирует её содержание, сохраняет эвристически значимые элементы, выявляет исторические и семантические подмены, уточняет границы применимости и перестраивает отношения между понятиями так, чтобы возникла более полная концептуальная конфигурация. Критика тем самым становится формой *конструктивного взаимодействия*, и сама производит новое теоретическое содержание.

Границы биологической нормативности особенно ясно обнаруживаются при рассмотрении эусоциальных систем. Муравейник или улей демонстрируют исключительно высокую степень координации, функциональной специализации и подчинения поведения отдельной особи целому. Если кооперацию признать безусловной нормой, подобные сообщества пришлось бы считать образцом человеческого устройства. Однако их целостность достигается ценой радикального ограничения индивидуальной автономии. Следовательно, для человеческих отношений недостаточен критерий эффективности общего функционирования; необходимо учитывать сохранение субъектности, добровольность участия, возможность несогласия и характер общего блага.

Не менее показателен паразитизм. Он может быть устойчивым и эволюционно успешным, но это не превращает его в конструктивное взаимодействие. Паразитическая система сохраняет связь сторон, однако её воспроизводство основано на асимметрии, при которой одна сторона использует жизненные ресурсы другой. Поэтому селективность нельзя отождествлять с паразитизмом, как и симбиоз – с нравственно положительным сотрудничеством. Речь идет о разных основаниях классификации: *селективность* обозначает функцию сохранения и исключения вариантов, *паразитизм* – конкретную структуру отношений между организмами, а *генеративность* – способность взаимодействия порождать новое системное качество.

В гуманитарной перспективе критерии конструктивности приобретают аксиологический характер. Значение имеют не только устойчивость и эффективность целого, но и то, сохраняют ли участники способность к самостоятельному действию; не достигается ли согласованность посредством насилия или манипуляции; возникает ли пространство взаимного развития;

допускает ли целое внутреннее различие и возможность ответного слова. Именно поэтому нормативным понятием ОТЖС является не кооперация как таковая, а *консент* – такое взаимодействие, при котором движение к общему смыслу и общему благу совмещается с сохранением различий и субъектности участников [24].

Биологическая и аксиологическая аргументации, таким образом, отвечают на различные вопросы. Первая показывает, что конструктивное объединение различающихся систем возможно и способно порождать новые уровни организации. Вторая определяет, какие формы объединения соответствуют человеческому достоинству и целям развития личности. Их нельзя сводить друг к другу: биология без аксиологии не различает взаимное развитие и эффективное подчинение, а аксиология без онтологического анализа рискует остаться отвлечённым пожеланием, не учитывающим реальные условия устойчивости взаимодействия.

В этом смысле онтологический потенциал симбиогенеза имеет не доказательный, а эвристический и ограничивающий статус. Он не доказывает универсальность генеративного принципа и не позволяет вывести из биологического факта готовую педагогическую систему. Он показывает, что возникновение нового через конструктивную интеграцию различного принадлежит к числу реально осуществимых способов развития. Дальнейшая задача состоит в выявлении специфически человеческих форм этой возможности, опосредованных сознанием, языком, ценностями и свободным выбором.

5. Генеративная функция конструктивного взаимодействия в педагогике

Педагогика представляет особую область исследования *генеративности*, поскольку её предметом является не только сохранение и передача уже накопленного опыта, но и становление способностей, смыслов и форм действия, которых в завершённом виде ещё не существует. Образование воспроизводит культуру, однако не может быть сведено к её копированию. Оно становится развитием лишь тогда, когда усвоенное содержание преобразуется в способность ученика самостоятельно мыслить, вступать в отношения с другими и создавать новые формы понимания и деятельности.

Такое понимание предполагает рассмотрение образовательного процесса как целостного взаимодействия различных содержательных, деятельностных и личностных компонентов, что сближает *генеративный подход* с *теорией интеграции образования* [5].

В этом отношении различение *генеративных* и *селективных* функций позволяет уточнить природу педагогического воздействия. Контроль, оценивание, отбор учебного материала, исправление ошибок и ограничение деструктивного поведения выполняют преимущественно селективную и регулятивную функции. Они необходимы для поддержания образовательного процесса, но сами по себе не объясняют возникновения нового знания, личностной позиции или творческой способности. Исключение ошибочного ответа ещё не порождает верного понимания, как устранение внешнего принуждения не создает автоматически внутренней свободы.

Последнее положение особенно существенно для *теории свободного воспитания*. Её историческая заслуга состоит в критике представления о ребёнке как о пассивном материале, которому педагог придает заранее установленную форму. К.Н. Вентцель, Н.В. Чехов и другие представители этого направления связывали образование с освобождением творческих сил личности, самостоятельностью и внутренней активностью ребёнка [7; 33]. Однако понятие освобождения описывает прежде всего устранение препятствия. Оно объясняет, почему уже существующая способность может получить пространство для проявления, но не полностью раскрывает, каким образом возникают новые формы мышления, самоотношения и совместного действия.

Генеративная педагогика не ограничивается снятием запретов и ослаблением внешнего давления. Она предполагает организацию такого взаимодействия ребёнка с педагогом, культурой, сверстниками и предметом познания, в котором исходные возможности преобразуются и образуют новое качество. Способность ученика не просто высвобождается, а формируется в отношениях. Учитель при этом не производит личность ученика по внешнему

образцу, но и не устраняется из процесса, оставляя развитие спонтанному самодвижению. Его задача состоит в создании условий, при которых различие опыта, знания и позиций становится источником совместного порождения смысла.

Конструктивное педагогическое взаимодействие поэтому располагается между авторитарным формированием и педагогическим невмешательством. В первом случае различие учителя и ученика превращается в одностороннее подчинение; во втором оно перестаёт быть продуктивным отношением, поскольку взрослый отказывается от ответственности за организацию образовательной среды. Генеративная модель сохраняет асимметрию компетенций, не превращая её в абсолютную иерархию субъектов. Учитель знает и умеет больше в определенной области, но смысл образовательного события не исчерпывается передачей его готового знания.

Такое взаимодействие можно считать генеративным при наличии нескольких признаков: участники сохраняют относительную самостоятельность и право на собственную позицию; предмет изучения становится общей проблемой, а не только объектом односторонней трансляции; ответы ученика способны влиять на ход общения; результат не сводится к механическому воспроизведению исходной формулировки; возникшее понимание расширяет возможности дальнейшего действия. Новое в данном случае не обязательно означает открытие, неизвестное человечеству. Для ученика генеративным является и самостоятельное рождение смысла, уже существующего в культуре, если он не получен исключительно как внешняя формула.

Отсюда следует, что *передающая* и *генеративная функции* образования не должны противопоставляться абсолютно. Передача языка, исторической памяти, научных понятий и нравственных образцов необходима для включения ребёнка в культуру. Без освоения уже созданных форм не возникает пространства, в котором возможно дальнейшее творчество. Однако передача становится педагогически конструктивной только тогда, когда содержание не остается внешним по отношению к ученику, а включается в его собственную смысловую деятельность.

Различие *передающей*, *порождающей* и *преобразующей* педагогики целесообразно понимать не как последовательность взаимоисключающих исторических стадий, а как различие функций образовательного процесса [16]. *Передающая* функция обеспечивает культурную преемственность. *Порождающая* связана с возникновением у ученика собственного понимания, вопроса, замысла и способности к самостоятельному действию. *Преобразующая* выводит созданный смысл за пределы внутреннего опыта и связывает его с ответственным изменением отношений и социальной среды. В полноценном образовательном процессе эти функции могут дополнять друг друга.

Генеративный характер педагогического взаимодействия не означает отказа от границ, дисциплины и отбора. Ограничение может выполнять конструктивную роль, если оно защищает пространство развития и помогает организовать разнонаправленные импульсы. Однако граница сама по себе не порождает нового: она лишь создаёт условия, в которых генеративный процесс может состояться. Аналогично педагогическая критика становится плодотворной не потому, что устраняет ошибку, а потому, что помогает ученику перестроить способ рассуждения и увидеть новое отношение между элементами проблемы.

В этом контексте особое значение приобретает наследие Воронежской научно-педагогической школы [7]. В составляющих её основу публикациях «Филологических записок», в методике «Живое слово», в эвристическом обучении, в проектах свободной школы и в идее развития творческой личности обнаруживается общая направленность, хотя её представители не использовали понятий генеративности, *конструктивного взаимодействия* или *консента* в современном теоретическом значении. Было бы исторически некорректно приписывать им сформированный метаязык ОТЖС. Однако можно говорить о распределенном *генеративном ядре* данной традиции. Это ядро проявлялось в понимании обучения как развития живой речи учащихся, в отказе сводить объяснительное чтение к заучиванию готовых толкований, в признании эвристического вопроса средством самостоятельного открытия [11],

в представлении о критике как о дополнении и развитии мысли, а не только её отрицании. Общим здесь является переход от копирования существующего содержания к такому взаимодействию с текстом, учителем и другими учениками, при котором возникает собственное осмысленное живое слово.

ОТЖС выполняет по отношению к этой традиции реконструктивную и эвристическую функцию. Она не заменяет историческое содержание позднейшей терминологией, а выявляет структурное единство различных педагогических интуиций. Понятие *генеративности* позволяет увидеть, что живое слово объединяет *эвристическое обучение*, *свободное воспитание* и *плодотворную критику* не только общей гуманистической направленностью. Во всех этих случаях педагогическое взаимодействие оценивается по его способности порождать новую смысловую и личностную целостность.

Таким образом, *принцип конструктивного взаимодействия* позволяет переосмыслить педагогическое развитие как образование новых возможностей в отношениях. Ребёнок не является ни пассивным материалом внешнего формирования, ни замкнутым носителем заранее готового творческого содержания. Его становление происходит в генеративном поле встреч – с другим человеком, языком, культурой, задачей и собственными внутренними противоречиями. Педагогика создает это поле, поддерживает его границы и посредством живого слова помогает различиям становиться источником нового понимания и действия.

Центральным средством такого генеративного взаимодействия выступает живое слово, поскольку смысл образовательного события формируется не только в передаче содержания, но и в ответном смыслообразовании ученика. Рассмотрение живого слова как собственно культурной формы генеративности требует перехода к следующему уровню анализа.

6. Живое слово как культурная форма генеративности и событие актуализации реальности

Переход от биологического и педагогического уровней к сфере культуры требует учитывать специфику человеческого взаимодействия. В живой природе возникновение новых целостностей осуществляется посредством материальных процессов: обмена веществом и энергией, функциональной дифференциации, структурного сопряжения и генетической интеграции. В культуре основным пространством объединения различного становится смысл, а одним из главных средств такого объединения – живое слово. Поэтому живое слово может рассматриваться как культурно-коммуникативная форма *генеративности*, но не как непосредственное продолжение *биологического симбиогенеза*.

Слово не является живым только потому, что оно произнесено человеком, эмоционально окрашено или включено в непосредственное общение. Устная речь может воспроизводить готовые формулы, подавлять ответ и блокировать возникновение смысла, тогда как письменный текст способен вступать в продуктивное взаимодействие с читателем и становиться событием понимания. Различие *живого* и *мёртвого*, а также *псевдоживого* слова, проходит не между *устным* и *письменным*, а между *генеративным* и *репродуктивным* режимами речи.

В *репродуктивном режиме* знак отсылает к заранее фиксированному содержанию, а коммуникативная задача сводится к его максимально точной передаче. Такой режим необходим: без устойчивости значений невозможны обучение, научная преемственность и сохранение культурной памяти. Однако передача готового содержания ещё не исчерпывает смысловой функции языка. В *генеративном режиме* слово не только воспроизводит существующее значение, но и вступает во взаимодействие с опытом адресата, вызывая переосмысление, дополнение и образование новых связей.

Внутренняя форма слова, рассматриваемая в гумбольдтовско-поттебнианской традиции [26], позволяет объяснить один из механизмов такого смыслопорождения. Она не передает слушающему мысль в готовом виде, а задает направление её самостоятельного восстановления. Образ, заключенный в слове, соединяется с предшествующим опытом сознания и преобразуется в акте апперцепции. Поэтому понимание нельзя описать как простое

перемещение одного и того же содержания из одного сознания в другое. Встреча слова и опыта образует событие, результат которого заранее не содержится полностью ни в высказывании, ни в сознании адресата.

Эта особенность позволяет провести различие между *коммуникацией*, *общением* и живым словом [1]. *Коммуникация* обеспечивает передачу содержания; *общение* превращает передаваемое содержание в предмет совместного понимания; живое слово придает этому взаимодействию событийную, ценностную и конструктивно-преобразующую направленность. Оно не только сообщает или связывает участников, но создает условия для возникновения новой смысловой целостности.

Такое понимание языка обнаруживает содержательную близость к *биологии познания* У. Матураны. Рассматривая язык в связи с возникновением консенсуальных областей взаимодействия, Матурана переносит внимание с передачи готовой информации на устойчивое согласование поведения участников. Языковое значение в этой перспективе существует не изолированно внутри знака и не переносится в неизменном виде из одного сознания в другое, а формируется и поддерживается в процессе повторяющихся взаимодействий. Для Общей теории живого слова существенно, что язык тем самым предстает как реляционная среда, в которой участники не только обмениваются сообщениями, но и образуют общее пространство различий, ответов и совместных действий [39].

Генеративность живого слова не означает произвольного производства значений. Если всякая интерпретация признается равно допустимой, взаимодействие утрачивает общий предмет, а смысл распадается на несоотносимые субъективные версии. Новое возникает не благодаря отмене ограничений, а благодаря продуктивному напряжению между текстом, ситуацией, намерением говорящего, опытом слушающего и требованиями истины. Живое слово сохраняет открытость, но эта открытость структурирована предметом разговора и ответственностью участников [1].

Поэтому генеративный речевой акт имеет по меньшей мере три измерения. В *семантическом отношении* он создает новое понимание предмета. В *интерсубъективном отношении* изменяет пространство между участниками, формируя новые возможности ответа и совместного действия. В *личностном отношении* преобразует самого говорящего или слушающего, поскольку высказанная и услышанная мысль включается в их дальнейший опыт. Новизна может возникать одновременно на всех трёх уровнях, но ни один из них не сводится к другому.

Одним из проявлений генеративности живого слова является *коагуляция смысла*. Под *коагуляцией* в данном контексте понимается *переход от ещё не расчлененной мыслеформенной интуиции к грамматически и понятийно организованному тексту*. До речевого оформления мысль может существовать как смутная направленность, образ, эмоционально-смысловой комплекс или предчувствие связи, ещё не получившее дискурсивной формы. Слово не просто обозначает уже готовую мысль, а участвует в её формировании: различает компоненты, устанавливает отношения, создает последовательность и превращает потенциальное содержание в доступную для другого смысловую структуру [18].

Коагуляцию не следует понимать как окончательное застывание мысли. В удачном тексте смысл получает достаточную определенность, чтобы стать предметом понимания и критики, но сохраняет возможность дальнейшего развёртывания. Таким образом, языковая форма одновременно ограничивает и освобождает мысль: исключает часть неопределенных вариантов, но открывает новые пути интерпретации и продолжения. Здесь особенно ясно обнаруживается взаимосвязь *генеративной* и *селективной* функций. *Селективные* операции выбора слов, понятий и синтаксических конструкций входят в структуру смыслопорождения, но сами по себе не создают текст как новое целое. *Генеративный* результат возникает благодаря установлению новых отношений между отобранными элементами, их грамматической и смысловой организации.

Показательным примером различия между интуитивным возникновением результата и его дискурсивной экспликацией является творчество индийского математика Сринивасы

Рамануджана. Многие математические соотношения представляли перед ним как непосредственно схваченные целостности и фиксировались без развернутых доказательств. Его включение в британскую академическую культуру, особенно сотрудничество с Г. Харди, сделало явной необходимость переводить интуитивно найденное содержание в доказательную форму, позволяющую другим исследователям воспроизвести ход рассуждения и установить основания результата [36].

Этот пример показывает, что генеративный процесс не завершается внутренним возникновением новой смысловой целостности. Пока результат остается в форме неразвернутой интуиции, он может быть доступен его создателю, но ещё не включен в пространство совместного знания. Понятийное и логическое оформление выполняет *интерсубъективную функцию*: делает видимыми основания, связи и переходы, благодаря которым другой человек получает возможность не только принять готовый вывод, но и понять, проверить, критически продолжить или преобразовать его.

В этом смысле *коагуляция* представляет собой не внешнее словесное оформление полностью завершенной мысли, а переход от индивидуально переживаемой смысловой целостности к структуре, способной стать предметом конструктивного взаимодействия. Она превращает результат творческого акта в генеративный ресурс культуры: новое становится доступным для дальнейшего понимания и порождения нового другими участниками.

Историческим примером подобной генеративной среды служит деятельность авторов журнала «Филологические записки» как *невидимой академии*. Значение этой традиции для ОТЖС определяется не наличием в публикациях XIX в. готовой «теории конструктивного взаимодействия», а совокупностью направлений, которые в ретроспективе обнаруживают структурное родство. Исследование отношения слова и мысли, обращение к внутренней форме языка, эвристическое обучение, объяснительное чтение по лучшим литературным образцам, развитие самостоятельной речи учащегося и коллективное создание педагогической методики образовали распределенное теоретическое поле, в котором уже действовала генеративная направленность, хотя ещё не существовало объединяющего её понятия.

Эту направленность можно обнаружить и в понимании научной критики. Критика выполняет *селективную функцию*, когда выявляет ошибки, отделяет обоснованное от необоснованного и исключает несостоятельные положения. Такая работа необходима, но не исчерпывает критического акта. *Генеративная критика* обнаруживает невысказанные предпосылки, сохраняет продуктивное содержание, уточняет границы применимости, предлагает более точные различия и перестраивает отношения между элементами аргументации, что предлагал редактор уже в первом номере журнала [32]. Тем самым она создает содержание, которого не было в исходном тексте, а критик становится не внешним судьёй, а участником конструктивного взаимодействия с автором.

Сходным образом коллективная работа авторов «Филологических записок» не сводилась к механическому накоплению отдельных публикаций. Журнал создавал пространство взаимного воздействия филологии, педагогики, психологии, сравнительного языкознания, риторики, поэтики и философии языка. Методика «Живое слово» может рассматриваться на этом фоне как один из результатов этого взаимодействия: она возникла не из одной изолированной идеи, а из коагуляции множества научных и педагогических линий в относительно целостную систему работы со словом [4].

ОТЖС выполняет по отношению к этому наследию не только историко-описательную, но и метаязыковую функцию. Она выявляет ранее распределенное *генеративное ядро* и переводит его в систему понятий. При этом теория не должна ретроспективно приписывать авторам XIX в. собственную терминологию. Понятия *конструктивного взаимодействия*, *генеративности*, *конструкто* и *консента* принадлежат современному уровню реконструкции. Их назначение состоит не в модернизации исторического материала, а в выявлении связей, которые существовали практически и содержательно, но не были сведены в единую категориальную систему [15].

В этом смысле сама ОТЖС возникла генеративно. Её содержание не было полностью заключено ни в философии языка, ни в исторической филологии, ни в педагогике, ни в биологии, ни в теории коммуникации. Взаимодействие этих линий породило новое теоретическое качество – метаязык, позволяющий сопоставлять формы возникновения смысловой, личностной и системной новизны. ОТЖС тем самым не только описывает *генеративность*, но и является *результатом генеративного синтеза*.

Создание метаязыка ОТЖС можно рассматривать как дискурсивную экспликацию первоначально целостной авторской интуиции. Исходный замысел живого слова, *конструктивного взаимодействия* и *консента* был дан как *генеративная целостность*, но ещё нуждался в развертывании системы определений, разграничений и доказательных переходов. Подобно тому как интуитивно найденный математический результат должен быть развернут в доказательство, чтобы войти в пространство общезначимого знания, авторский замысел ОТЖС нуждался в *понятийной коагуляции*, делающей явными его генеративную интенцию, целевую направленность и внутреннюю логику.

Метаязык ОТЖС создавался поэтому не только для обозначения уже выявленных феноменов, но и для перевода индивидуального творческого акта в форму, доступную совместному пониманию, критике и продолжению. Для представителей различных дисциплин он образует общий концептуальный интерфейс, позволяющий сопоставлять биологические, философские, педагогические, психологические, филологические и технологические формы генеративности без редукции одного уровня к другому. Различие дисциплинарных языков тем самым становится не только препятствием коммуникации, но и потенциальным источником нового теоретического качества.

Применительно к искусственному интеллекту метаязык выполняет аналогичную, хотя и не тождественную функцию. ИИ не переживает авторскую интуицию и не постигает её миссию в личностном смысле, однако способен оперировать эксплицированными понятиями, различиями, отношениями и критериями. Поэтому перевод творческого замысла в систему понятий делает его доступным для машинного анализа, сопоставления, моделирования и конструктивного продолжения. Метаязык тем самым образует интерфейс между первоначальным генеративным актом автора, междисциплинарным научным пониманием и консентным концептированием ИИ. ОТЖС не только описывает генеративность и сама возникает посредством генеративного синтеза, но и создает метаязыковые условия для дальнейшего генеративного взаимодействия.

7. От конструктивного взаимодействия к консенту и гибридному интеллекту

Формирование метаязыка ОТЖС проходило через последовательное уточнение созидательной направленности взаимодействия. Одной из понятийных ступеней стало введение категории *конструдо* – направленности психической и речевой энергии на построение, связывание, восстановление и создание жизнеспособной целостности. *Конструдо* позволило отличить созидательное действие не только от открытой деструкции, но и от внешне нейтральной передачи содержания, которая не разрушает существующее, однако и не порождает нового.

Категория *конструдо* описывает прежде всего направленность актуализации. Она отвечает на вопрос, во что преобразуется энергия речевого или практического акта: создает ли она связь, форму, смысл и возможность дальнейшего развития либо ведёт к распаду, блокированию и разрушению. Однако одной направленности недостаточно для описания *интерсубъективной генеративности*. Созидательный замысел одного участника может осуществляться без реального ответа другого и даже вопреки его воле. Поэтому от *конструдо* необходимо перейти к понятию, фиксирующему не только созидательную интенцию, но и процесс возникновения общего при сохранении различий.

Таким понятием в ОТЖС становится *Consento* – *консент* в русском языке [21]. Его не следует отождествлять с формальным согласием в юридическом контексте, консенсусом мнений или компромиссным усреднением позиций. *Консент* номинирует коммуникативный процесс

(консентогенез), в котором различающиеся субъекты формируют общее смысловое пространство, не утрачивая способности к самостоятельному суждению. Его результатом может быть согласованное действие, уточнённое разногласие, совместно сформулированная проблема или новое решение, отсутствовавшее в первоначальной позиции каждой стороны. В данном отношении понятие *консента* обнаруживает структурную близость к матурановскому понятию *консенсуальной области взаимодействий*, однако не совпадает с ним: в ОТЖС к операциональной согласованности добавляются смысловое, аксиологическое и субъектно-ответственное измерения [39].

Консент непосредственно связан с *генеративностью*, поскольку общее в нём не предшествует взаимодействию в завершённом виде. Участники могут иметь общую тему, задачу или потребность, но способ их смыслового объединения формируется в самом диалоге. *Консент* является не обнаружением скрытой тождественности, а созданием отношения, в котором различия становятся совместимыми и продуктивными.

При этом сохранение различий является не уступкой генеративному процессу, а одним из его условий. Полное совпадение позиций делает совместное смыслопорождение избыточным; насильственное устранение несовпадения превращает *консент* в подчинение. Генеративная ценность диалога связана именно с тем, что другой вносит содержание, перспективу или ограничение, отсутствующие в исходной позиции субъекта. Поэтому ответственность, возможность возражения и готовность корректировать собственное понимание входят во *внутреннюю структуру консента*.

Данное положение позволяет отличить *консент* от *конформизма* и *угодливости*. Внешне согласованная коммуникация может быть негенеративной, если одна сторона лишь приспосабливается к ожиданиям другой, скрывает возражение или подтверждает заведомо ошибочную позицию. В таком случае различие не преобразуется, а подавляется. Согласие, достигнутое ценой отказа от правдивости и субъектности, уменьшает пространство возможного вместо его расширения.

Консент как генеративный коммуникативный процесс предполагает не только определенную организацию взаимодействия, но и соответствующий способ восприятия и осмысления противоречий. Для его обозначения в рамках ОТЖС используется понятие *консентного типа сознания*. Его ключевой характеристикой является способность видеть в противоречии прежде всего потенциал конструктивного взаимодействия, а не лишь угрозу, ошибку, препятствие или основание для устранения одной из сторон. Противоречие в такой перспективе рассматривается как открытая проблемная структура, сохраняющая ещё не исчерпанную возможность нового понимания, новой организации отношений или совместного решения, отсутствовавшего в исходной позиции каждого участника.

Консентный тип сознания исходит из презумпции генеративной открытости противоречия. Это означает, что отсутствие известного конструктивного решения не рассматривается как доказательство его принципиальной невозможности. Длительная нерешённость проблемы может свидетельствовать не о её неразрешимости, а о недостаточности существующих понятий, методов, данных или самой постановки вопроса. Поэтому противоречие в человеческом взаимодействии понимается как сохраняющее нераскрытый потенциал *консента*, а *субъект консентного типа* не объявляет его бесперспективным до исчерпания возможностей изменения концептуализации, уровня рассмотрения, структуры отношений и условий взаимодействия.

В этом отношении *консентный тип сознания* следует отличать как от *конфликтного*, так и от *конформного* способа отношения к противоречию. *Конфликтный тип* склонен непосредственно переводить несовпадение в логику противоборства, преобладания и устранения противоположной стороны. *Конформный тип* снимает противоречие посредством отказа от собственной позиции, внешнего приспособления или сокрытия разногласия. *Консентный тип*, напротив, сохраняет самостоятельность сторон и исходит из того, что *формула консента* может быть ещё не найдена, но отсутствие найденной формулы не тождественно её невозможности. Его целью является не достижение согласия любой ценой,

а последовательный поиск преобразованной структуры отношений, способной актуализировать конструктивный потенциал противоречия.

Консентный тип сознания преодолевает метонимическую редукцию *противоречия* и *взаимодействия* к *конфликту* не посредством отрицания реальности конфликтов, а посредством восстановления модальной открытости противоречия. Он рассматривает конфликт как частный способ актуализации несовпадения и сохраняет возможность других динамических форм – диалога, генеративной критики, конструктивного взаимодействия и консента.

Консентный тип сознания тем самым представляет антропологическую форму генеративности. Если *конструктивное взаимодействие* обозначает структурное условие возникновения нового, *конструдо* – созидательную направленность психической и речевой энергии, а *консент* – процесс формирования общего смыслового пространства при сохранении различий, то *консентный тип сознания* характеризует *способность субъекта обнаруживать в противоречии генеративный потенциал и поддерживать поиск способов его актуализации.* Такая способность не гарантирует немедленного достижения *консента*, но исключает преждевременное отождествление нерешённости противоречия с его принципиальной неразрешимостью.

Формула консента представляет собой не заранее заданный компромисс и не универсальный содержательный ответ на все противоречия, а общий способ поиска такой преобразованной структуры отношений, в которой значимое содержание различающихся сторон получает возможность конструктивного соотнесения. Она не обязана устранять различие: её результатом могут быть новое общее решение, распределение функций, согласование границ, изменение условий взаимодействия, признанное разногласие, исключающее разрушительное противоборство, или процедура дальнейшего поиска. Задача *формулы консента* состоит не в сведении противоположностей к тождеству, а в обнаружении ещё не выявленной конфигурации, способной преобразовать противоречие в источник нового пространства возможностей.

Одним из необходимых качеств *консентного типа сознания* и одновременно условием *консента* является *парресия* – способность ответственно говорить истину [31], в том числе тогда, когда она нарушает комфортное совпадение позиций. Парресия препятствует превращению конструктивности в риторическую мягкость и бесконфликтность. Вместе с тем одно несогласие ещё не является генеративным. Возражение приобретает конструктивный характер тогда, когда не только разрушает ошибочное положение, но и создаёт возможность более точного понимания, нового вопроса или дальнейшего совместного действия.

Понятия *Construdo* и *Consento* можно рассматривать как последовательные ступени выявления генеративной функции. *Конструдо* фиксирует созидательную направленность энергии действия; *консентный тип сознания* – субъектную способность видеть в противоречии потенциал конструктивного взаимодействия и поддерживать поиск нового решения; *консент* – intersубъективный процесс возникновения общего смысла при сохранении различий; *конструктивное взаимодействие* – структурное условие возникновения нового.

Формирующая функция ОТЖС заложена в самой организации её метаязыка. Категории генеративности, конструктивного взаимодействия, конструдо, консента, парресии, живого слова и генеративной критики предназначены не только для описания отдельных явлений, но и для перестройки способа их концептуализации: они направляют внимание от устранения противоречия – к преобразованию способа его существования, от выбора между готовыми альтернативами – к поиску возможности нового системного качества. *Генеративная критика* выполняет здесь операциональную роль: учит не отвергать позицию целиком, а различать в ней продуктивное ядро, ограниченные элементы и подмены, чтобы включать сохранённое содержание в новую концептуальную конфигурацию. В этом смысле метаязык ОТЖС имеет не только дескриптивную, но и психагогическую функцию: он формирует способ видеть, различать и строить взаимодействие.

В авторском замысле ОТЖС специально создавалась как инструмент формирования *консентного типа сознания* у человека и *консентного типа концептирования* у систем искусственного интеллекта. В междисциплинарной сфере её метаязык предоставляет представителям разных областей знания общую систему различений, позволяющую сопоставлять биологические, педагогические, психологические, филологические и технологические формы генеративности без сведения одной дисциплины к другой. В человеко-машинном взаимодействии тот же метаязык может выступать концептуальным интерфейсом, ориентирующим совместную работу человека и ИИ на *выявление нераскрытого генеративного потенциала противоречий и поиск формулы консента*.

Такое уточнение приобретает особую актуальность в связи с развитием систем искусственного интеллекта. Языковая модель способна производить тексты, комбинировать сведения, предлагать гипотезы и участвовать в решении задач. Однако сам факт появления ранее не существовавшей последовательности слов ещё не позволяет отождествить машинную генерацию с генеративностью живого слова. Статистически новый текст может воспроизводить устойчивые смысловые шаблоны, не создавая нового понимания и не вступая в ответственное отношение с адресатом.

Кроме того, современная система ИИ не обладает человеческой субъектностью, биографическим опытом, нравственной ответственностью и собственным переживанием смысла. Поэтому машинный текст не следует автоматически называть «живым словом». Он может входить в событие живого слова как инструмент, посредник или участник функционального взаимодействия, но ценностное и ответственное измерение этого события сохраняется в человеческом контуре.

Особая роль в раскрытии ещё не выявленного конструктивного потенциала противоречия может принадлежать искусственному интеллекту. Неразрешенность проблемы нередко обусловлена не отсутствием решения как такового, а ограниченностью исходной концептуализации, недостаточностью данных или неспособностью участников одновременно удерживать множество взаимозависимых условий. ИИ способен расширять пространство поиска: сопоставлять различные дисциплинарные языки, выявлять скрытые предпосылки позиций и переменные, перестраивать исходную постановку вопроса, моделировать последствия альтернативных конфигураций и предлагать варианты, не содержащиеся в готовом виде ни в одной из исходных позиций. В этом качестве он выступает не арбитром, устанавливающим окончательную истину, а инструментом поиска формулы консента, помогающим сделать видимым ранее нераскрытый генеративный потенциал противоречия.

Соответствующая ориентация машинной системы обозначается в ОТЖС как *консентный тип концептирования*. Под ним понимается способ организации понятийной работы ИИ, при котором противоречащие положения рассматриваются не как окончательный набор взаимоисключающих вариантов, подлежащих лишь ранжированию и отбору, а как элементы открытого пространства поиска новой концептуальной конфигурации. *Консентное концептирование* предполагает выявление оснований различия, сохранение значимого содержания каждой позиции, изменение постановки проблемы, поиск промежуточных понятий и условий продуктивного соотнесения, а также построение вариантов решения, не содержащихся в готовом виде ни в одной из исходных моделей. При этом ИИ не подменяет человеческих участников готовым решением и не принимает на себя нравственную ответственность: он поддерживает консентную деятельность, тогда как оценка истины, допустимости и общего блага остаётся в человеческом контуре.

Перспективной моделью является не замещение естественного интеллекта искусственным, а *гибридный интеллект* – функционально организованное взаимодействие человеческих и машинных возможностей [37]. Его генеративность определяется не простой суммой производительности человека и вычислительной мощности системы, а возникновением такого способа решения задач, который недоступен каждому участнику по отдельности [6]. ИИ может расширять поиск вариантов, обнаруживать связи в больших массивах данных, моделировать следствия и предлагать альтернативные формулировки; человек задает цели, оценивает

основания, осуществляет ценностное различие и принимает ответственность за применение результата.

В этой модели особенно важно не переносить на человеко-машинное взаимодействие биологическую метафору симбиоза без ограничений. Зависимость пользователя от системы, передача ей целеполагания и утрата способности к самостоятельной проверке также могут образовывать устойчивое взаимодействие, но оно не будет генеративным в нормативном смысле ОТЖС. Как и в случае человеческого диалога, критериями выступают сохранение субъектности, прозрачность распределения функций, возможность отказа и способность к обоснованному несогласию.

Гибридный интеллект становится конкретным продолжением *принципа конструктивного взаимодействия* только тогда, когда различие человеческих и машинных возможностей сохраняется и используется продуктивно. Попытка представить ИИ как несовершенного человека или человека как медленный вычислительный механизм стирает функциональное различие участников и тем самым ослабляет генеративный потенциал их связи. Новое качество возникает благодаря взаимодополнению, а не имитации тождества.

Одной из специальных гипотез *Consento-AI* является предположение о том, что закрепленные в обучающих корпусах конфликто-центрированные милитаристские метафоры и квази-номологические формулы способны направлять языковые модели к преимущественно селективному способу концептирования противоречий. Часто воспроизводимая формула может восприниматься системой как аксиоматическая не вследствие её доказанности, а вследствие статистической и культурной канонизации. В таком случае модель склонна представлять противоречие через взаимоисключение, ранжирование, победу одной позиции или компромисс между готовыми вариантами, не исследуя возможность новой генеративной конфигурации.

Отмечаемый по данным Google Books Ngram Viewer рост представленности англоязычной формулы «unity and conflict of opposites» к началу 2010-х годов не доказывает её непосредственного воздействия на политическое мышление или архитектуру конкретных моделей, но свидетельствует о возрастании её дискурсивной доступности и делает такую гипотезу исследовательски значимой [22]. Она требует контролируемой проверки: сопоставления ответов моделей на *конфликтно* и *консентно* сформулированные задачи, выявления влияния метафоры «борьба» на структуру предлагаемых решений и оценки того, изменяет ли введение категорий ОТЖС способность системы обнаруживать генеративный потенциал противоречия.

В этом отношении *Consento-AI* представляет не просто набор правил вежливого диалога, а *программу метаязыковой терапии машинного концептирования*. Её задача состоит в том, чтобы сделать различимыми исторически сформированные конфликтные рамки, уточнить границы их применимости и предоставить модели операции генеративной критики: дифференциацию содержания позиции, сохранение её продуктивного ядра, распознавание подмен, изменение постановки проблемы, построение промежуточных понятий, моделирование новых конфигураций и поиск *формулы консента*.

Направление *Consento-AI* может быть понято как исследовательская программа по разработке, операционализации и проверке *консентного типа концептирования* в языковых системах. Речь идет не о полной алгоритмизации живого слова, а о формализации отдельных операций и признаков: выявления оснований противоречия, сохранения значимых различий, ответственности, адресности, конструктивности несогласия, распознавания манипуляции, различения консента, конформизма и угодливости. Такие критерии могут использоваться при разметке диалогов, тестировании моделей и проектировании образовательных и междисциплинарных интерфейсов.

Принципиальным ограничением здесь остается невозможность исчерпывающе формализовать событийное и ценностное содержание живого слова. Формальная система может распознавать признаки конструктивной или деструктивной речи, однако окончательное суждение о смысле, уместности и благе не должно автоматически передаваться алгоритму.

Операционализация поддерживает человеческое решение, но не снимает ответственности с его субъекта.

Таким образом, движение от *конструктивного взаимодействия* к *конструдо*, *консентному типу сознания*, *консенту* и *гибридному интеллекту* представляет последовательное раскрытие *генеративного принципа* на различных уровнях. На энергийном уровне он выражается как созидательная направленность актуализации; на *антропологическом* – как способность видеть в противоречии потенциал конструктивного взаимодействия; на *коммуникативном* – как возникновение общего смысла при сохранении различий; на *технологическом* – как консентное концептирование и взаимодополнение естественного и искусственного интеллекта, создающие новые возможности без передачи машине человеческой субъектности и ответственности.

Эта линия возвращает исследование к исходному различению *генерации* и *селекции*. Искусственный интеллект особенно наглядно демонстрирует мощь селективных операций: поиск, фильтрацию, классификацию, ранжирование и выбор вероятного продолжения. Однако культурная значимость человеко-машинного взаимодействия определяется тем, сможет ли оно выйти за пределы селекции уже представленных вариантов и стать условием возникновения нового понимания. Такой переход не обеспечивается вычислительной мощностью автоматически. Он требует *конструктивного взаимодействия*, в котором человек сохраняет способность задавать вопрос, различать ценности, возражать, отвечать за решение и превращать полученный результат в событие собственного мышления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать *генеративность* как самостоятельную функцию развития, не сводимую к вариативности, селекции или устранению препятствий. *Генеративность* объясняет возникновение нового системного качества и нового пространства возможностей; селекция определяет дальнейшую судьбу уже возникшего – его сохранение, распространение или устранение. Такая последовательность выражает логическую и онтологическую первичность порождения по отношению к отбору, не исключая их временного переплетения в реальных процессах.

Само освобождение подавленной способности, устранение препятствия или разрушение прежней формы может открыть возможность изменения, но не задает положительной структуры нового. Структурным условием исследуемого класса генеративных процессов признано конструктивное взаимодействие – устойчивая связь различающихся и относительно самостоятельных элементов, взаимно преобразующая способы их функционирования и образующая целостность с новыми свойствами. В этом отношении генеративность конкретизирует процессуальную трактовку бытия как становления и дополняет эмерджентистское описание результата анализом функции и условий его порождения.

Симбиотический закон эволюции рассмотрен как биологическая конкретизация данного принципа. В статье разведены *эмпирическая основа*, *метафизическое основание*, *онтологический потенциал*, *философский закон* и *эмпирическая тенденция*. Симбиоз и симбиогенез образуют *эмпирическую основу*; принцип конструктивного взаимодействия выступает *метафизическим основанием* и основным *топосом* исследования; *онтологический потенциал* обозначает реальную возможность порождения нового; закон выражает условную связь интегративного механизма и нового уровня организации; тенденция характеризует фактическую частоту и направленность реализации этой связи.

Принцип конструктивного взаимодействия восполняет категориальную асимметрию философского языка, предоставляя генеративно определённое понятие там, где многозначная терминологизированная метафора «борьба» и расширительное употребление понятия «конфликт» преимущественно концептуализировали различие и развитие через противодействие.

Биологический аргумент имеет *диагностическое*, *модальное* и *терапевтическое*, но не непосредственно нормативное значение. Он позволяет различать генеративное взаимодействие, паразитизм, подчинение и растворение автономии; показывает реальную

осуществимость конструктивного объединения различного; лишает конфликтно-селективную картину развития мнимой естественно-научной исключительности. Критерии человечески приемлемого взаимодействия – сохранение субъектности, добровольность, ответственность и ответственность – требуют самостоятельного аксиологического обоснования.

Симбиотический закон обладает в исследовании двойным статусом. В биологическом отношении он представляет условно-номологическое обобщение связи между устойчивой функциональной интеграцией и возникновением нового уровня организации. В историко-философском отношении он выполняет генеративно-реконструктивную и терапевтическую функцию. Он вступает в генеративное отношение с классической идеей *единства противоположностей*: сохраняет его онтологическое ядро, выявляет позднюю конфликтную и манипулятивную интерполяцию метафоры «борьба» и преобразует исходную номологическую рамку без замены одной абсолютной догмы другой. Метафора «борьба» при этом перемещается из положения как бы «универсального генеративного механизма» в положение одного из частных способов развёртывания противоречия, а *симбиотический закон* становится примером *генеративной критики* на уровне философских теорий.

Понятие *генеративной критики* конкретизирует методологическую последовательность статьи. Такая критика не отвергает критикуемую концепцию как неделимое целое, а дифференцирует её содержание, сохраняет эвристически значимые элементы, выявляет подмены и перестраивает отношения между понятиями, создавая новое пространство понимания. Тем самым принцип конструктивного взаимодействия применяется не только к объектам исследования, но и к способу самой философской аргументации.

В педагогике генеративная функция проявляется в возникновении у ученика новых способов понимания, самоотношения и действия. Передача культурного содержания, контроль, оценивание и критика необходимы, но становятся конструктивными лишь тогда, когда включаются в более общий процесс самостоятельного смыслообразования. Воронежская научно-педагогическая традиция позволяет реконструировать исторически распределенное *генеративное ядро*, а живое слово – рассмотреть как *культурно-коммуникативную форму генеративности*. Язык выступает *горизонтом потенциального осуществления человеческой реальности*, живое слово – событием актуализации смысловой возможности в новом понимании, отношении или совместном действии.

Понятия *Construdo* и *Consento* уточняют различные измерения генеративного процесса: первое характеризует *созидательную направленность актуализации*, второе – *интерсубъективное возникновение* общего смысла при сохранении различий. В технологической перспективе эта линия получает продолжение в концепции *гибридного интеллекта*. ИИ может расширять поиск, анализ и моделирование вариантов, однако *машинная генерация текста* не тождественна генеративности живого слова; целеполагание, ценностное различение и ответственность должны сохраняться в человеческом контуре.

Консентный тип сознания обозначает субъектную установку, исходящую из презумпции генеративной открытости противоречия: отсутствие найденного решения не считается доказательством невозможности *формулы консента*. ОТЖС специально создавалась как метаязыковой инструмент формирования этой установки у человека и соответствующего консентного типа концептирования у ИИ. Искусственный интеллект может играть значительную роль в поиске *формулы консента*, изменяя постановку проблемы, сопоставляя основания различных позиций, выявляя скрытые переменные, расширяя пространство вариантов и моделируя последствия их возможного соотнесения; однако ценностная оценка и ответственность за решение сохраняются за человеческими субъектами.

Метаязык ОТЖС выполняет по отношению к первоначальной генеративной интуиции функцию, структурно сходную с функцией доказательства по отношению к интуитивно найденному математическому результату: делает основания, различения и переходы явными, доступными для понимания, проверки и продолжения. Тем самым ОТЖС переводит индивидуальный творческий акт в междисциплинарную и человеко-машинную исследовательскую программу.

Предложенная концепция представляет исследовательскую программу, требующую дальнейшей разработки критериев генеративного новообразования, сравнительного анализа биологических, педагогических и культурных случаев, а также выявления условий, при которых конструктивное взаимодействие переходит в подчинение, распад или простое воспроизводство существующего. Проверке подлежат не только подтверждающие примеры, но и границы применимости принципа, что позволяет отличать философскую реконструкцию от нефальсифицируемого универсального утверждения.

Основной результат статьи состоит не в замене *селективной* парадигмы *генеративной* и не в противопоставлении «плохой» конкуренции «хорошему» сотрудничеству, а в устранении объяснительной асимметрии. Развитие включает прежде всего возникновение того, чего ранее не существовало как целого, и лишь затем – регулирование его устойчивости и дальнейшей судьбы. Генеративная функция не отменяет границ, отбора и критики, но позволяет определить их место: они регулируют условия возникновения нового и действуют по отношению к уже возникшему, не создавая сами положительного содержания новообразования. Теория развития становится более полной тогда, когда наряду с вопросом «что сохраняется?» ставит более трудный вопрос: «как возникает новое целое и какие отношения делают его возможным?»

Литература

1. Аннушкин В.И., Комаров В.В., Лазарев А.И. Основные принципы и законы живого слова: историко-теоретическая систематизация в рамках Общей теории // Журнал исторических исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 32–50.
2. Аристотель. Топика // Сочинения: в 4 т. / пер. М. И. Иткина. М., 1978. Т. 2. С. 347–531.
3. Афанасьев А.Н. Народные поэтические представления радуги // Филологические записки, 1865. В.1. С.35–48.
4. Барсов А.В. Живое слово для изучения родного языка // Филологические записки. 1889. Вып. 2. С. 1–35.
5. Берулава М.Н. Теоретические основы интеграции образования. М., 1998. 192 с.
6. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта: эволюция, психология, информатика. М.: Машиностроение, 1990. 448 с.
7. Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности. М., 1911–1912. 668 с.
8. Воронежская педагогическая школа: дидактическая реконструкция: коллективная монография / отв. ред. А.И. Лазарев. Воронеж: Кварта, 2018. 342 с.
9. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: КМК, 2004. 430 с.
10. Воронцов Н.Н. Эволюция. Видообразование. Система органического мира: избранные труды / отв. ред. Е.А. Ляпунова. М.: Наука, 2004. 364 с.
11. Каптерев П.Ф. Эвристическая форма обучения в народной школе // Народная школа. 1874. № 11. С. 5–20; № 12. С. 37–47.
12. Кареев Н.И. Космогонический миф // Филологические записки. 1873. Вып. 2. С. 1–10.
13. Кесслер К.Ф. О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1880. Т. 11. Вып. 1. С. 129–131.
14. Козо-Полянский Б.М. Новый принцип биологии: очерк теории симбиогенеза. М.; Л.: Пучина, 1924. 147 с.
15. Комаров В.В., Лазарев А.И. Живое слово и его глубинные энергийные структуры: интеграция античных, богословских и психоаналитических концептов в метаязык Общей теории живого слова // Журнал филологических исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 7–25.
16. Корнетов Г.Б. Становление и сущность передающей, порождающей и преобразующей педагогики // Известия Российской академии образования. 2017. № 4. С. 46–57.
17. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб.: Товарищество «Знание», 1907. 360 с.
18. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

19. Лазарев А.И. Миф об основном мифе // Социология в трудах Н.И. Кареева: сборник к 170-летию Н.И. Кареева: по материалам конференции Герценовского университета. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. С. 359–371.
20. Лазарев А.И. Общая теория живого слова: монография. Воронеж: Научная книга, 2026. 360 с.
21. Лазарев А.И. По следам живого слова: монография. М.: Инфра-М, 2024. 388 с.
22. Лазарев А.И. Релятивистский контекст «основного диалектического закона»: историко-философско-языковедческие аспекты «единства противоположностей» и «борьбы» // Журнал философских исследований. 2025. Т. 11. № 2. С. 39–74.
23. Лазарев А.И. Живое слово как горизонт реальности: от потенции смысла к событию истины // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 2. С. 14-31.
24. Лазарев А.И. Формула консента: монография. Воронеж: Научная книга, 2025. 348 с.
25. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. IV: Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 806–817.
26. Мережковский К.С. Теория двух плазм как основа симбиогенезиса, нового учения о происхождении организмов. Казань, 1909. 102 с.
27. Потебня А.А. Мысль и язык / подгот. текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычёва; коммент. Ю.С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
28. Титова Е.Н., Лазарев А.И. Метафора «борьба» в законе «единство противоположностей»: технологии компьютерной и когнитивной лингвистик в исследовании философских текстов // Журнал филологических исследований. 2025. Т. 10. № 1. С. 2–13.
29. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Киссея. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
30. Фаминцын А.С. О роли симбиоза в эволюции организмов // Записки Императорской Академии наук. 1907. Т. 20. № 3. 14 с.
31. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Дело РАНХиГС, 2020. 384 с.
32. Хованский А.А. Живое слово и живые факты // Филологические записки. 1899. Вып. 1. С. 1–8.
33. Чехов Н.В. Свободная школа: опыт организации средней школы нового типа. М., 1907. 108 с.
34. Broad C.D. The Mind and Its Place in Nature. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1925.
35. Humboldt, W. von. Über den Dualis // Humboldt, W. von. Gesammelte Schriften: In 17 Bd. / hrsg. von A. Leitzmann. Bd. VI. 1. Hälfte. Berlin: B. Behr's Verlag, 1907. S. 4–30.
36. Hardy G.H. Ramanujan: Twelve Lectures on Subjects Suggested by His Life and Work. Cambridge: Cambridge University Press, 1940.
37. Lomov B.F., Venda V.F. Human Factors: Problems of Adapting Systems for the Interaction of Information to the Individual: The Theory of Hybrid Intelligence // Proceedings of the Human Factors Society Annual Meeting. 1977. Vol. 21. No. 1. P. 1–9.
38. Margulis L. Origin of Eucaryotic Cells. New Haven: Yale University Press, 1970. XXII, 349 p.
39. Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / ed. by G. A. Miller, E. Lenneberg. New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.
40. Maynard Smith J., Szathmáry E. The Major Transitions in Evolution. Oxford: W. H. Freeman, 1995. 346 p.
41. Morgan C. Lloyd. Emergent Evolution. London: Williams and Norgate, 1923. 313 p.
42. Nowak M.A. Five Rules for the Evolution of Cooperation // Science. 2006. Vol. 314. No. 5805. P. 1560–1563.
43. Whitehead A.N. Process and Reality: An Essay in Cosmology. Corrected ed. New York: Free Press, 1978.